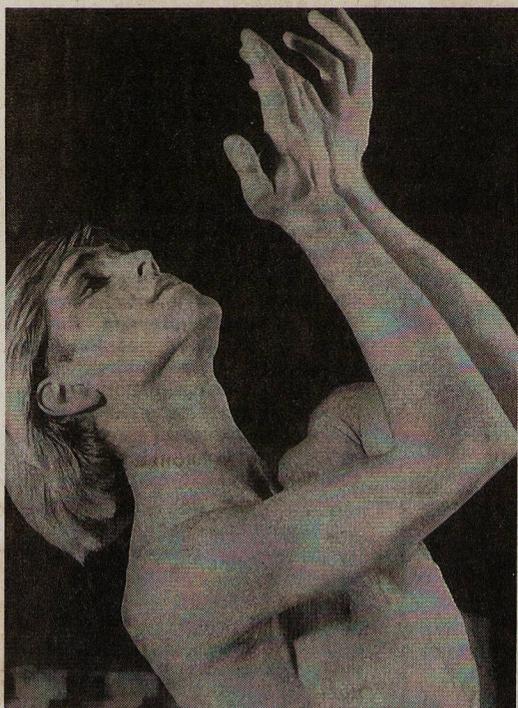

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

О Геннадии Янине, солисте Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, во весь голос заговорили на прошлогоднем фестивале «Дома Вивальди», посвященном Владимиру Васильеву, — он с блеском исполнил знаменитую миниатюру Касьяна Голейзовского «Нарцисс». Впрочем, завзятые балетоманы знали его и раньше. Каждый выход этого артиста на сцену — будь то Шут в «Лебедином озере» или Меркуцио в «Ромео и Джульетте» — обращал на себя внимание. Природа одарила Янина уникальными способностями — он виртуозен, очень музыкален. Кроме того, обладает исключительным чувством юмора и неотразимым сценическим обаянием. Это как будто о нем сказал Ромен Роллан: «Чтобы озарять светом других, нужно носить солнце в себе». У меня не было никаких сомнений, с какого вопроса начать беседу с таким лучезарным героем.

ГЕННАДИЙ ЯНИН:

ПУСТЬ Я НЕ ПРИНЦ, НО КЛАССИКУ ЛЮБЛЮ!

— Гена, на сцене вы производите впечатление счастливейшего человека. Это ваше естественное состояние или сценический образ?

— Никакого перевоплощения — я и в жизни такой развеселый. Пока.

— Как вы пришли в балет?

— Случайно. У меня неартистическая семья, но мама в детстве, как почти все девочки, мечтала быть балериной. Она и привела меня в училище — Московское, в 1978 году. И спасибо ей и господу Богу, что так вышло.

Все восемь лет учебы я жил в интернате, и самые приятные воспоминания связаны с ним, с моими друзьями. Это Владимир Малахов, Наталия Ледовская, Алексей Ратманский и много-много других. Я очень благодарен моему первому педагогу Александру Михайловне Маркеевой. К сожалению, я не выполнял всего, что она просила. Я, видите ли, люблю, чтобы слегка «били палкой». Меня не били. И вот теперь все, что «не добились», приходится расхлебывать в театре.

— А кто репетирует с вами сейчас?

— Мой нынешний педагог — Вадим Сергеевич Тедеев, бывший ведущий солист нашего театра. Он один из немногих артистов, кому дан еще и педагогический дар. Это встречается о-очень редко. Еще я работал с Татьяной Николаевной Легат. Два года назад она готовила меня к международному конкурсу в Италии, где мне удалось получить вторую премию. Легат — представительница ленинградской школы. А балет Петербурга и балет Москвы, как известно, очень отличаются друг от друга. Мне больше по душе петербургский академизм.

— Вы ощущаете конкуренцию в вашем театре?

— Я выжил всех своих конкурентов из этого театра. Шучу, конечно. Но, разумеется, хочется быть не хуже остальных. Это нормальное явление.

— Многие ваши бывшие конкуренты танцуют в Большом театре. А вам не хотелось бы танцевать на этой сцене?

— Большой театр — моя розовая мечта. На всю жизнь. И я не верю ни-ко-му, кто говорит: «Я не хочу в Большой». Большой театр — лучший в ми-

ре. Как профессионал, я вижу его недостатки. И все-таки Большой есть Большой...

— Как вы считаете, ваша творческая судьба складывается удачно или есть чувство не-востребованности?

— Пан в «Вальпургиевой ночи» — единственная еще не исполненная мной партия, которую я могу станцевать в нашем театре. А остальное? Ну если только за принцев взяться!

— А хотелось бы!

— Сложный вопрос. Каждый сверчок знай свой шесток. Вот я его знаю, мне кажется.

— Как вам представляется, что будет дальше?

— Вот дальше — тишина. Одно могу сказать: уезжать не хочу. Мне нравится работать здесь, дома. Я вообще очень люблю Россию. У нас такое отношение к балету, какого нет нигде в мире. Я думаю, балет русской душе ближе, чем какой-либо другой. Это не пустые слова, к счастью.

— Что вы предпочитаете танцевать — классику или современную хореографию?

— Классику. Конечно, классике! Но... бодливой корове бог рог не дает! Мой «экстерьер» не позволяет танцевать столько классики, сколько хотелось бы. Моя вершина в классическом репертуаре — вставное па-де-де в первом акте «Жизели». Может быть, и не все там у меня идеально, но я чувствую себя «в своей тарелке». Мне приятно вытянуть подъем и встать в арабеск — просто душа радуется. Вообще, мое творческое кредо таково: главное — перестоять и перекрутить. Опять пошутил, извините. Вы же понимаете, что главное — во всем знать меру. Но моя любовь к классическому балету безмерна. Я даже немного пописываю музыку в стиле старой балетной — «работая» под Минкуса и Дриго.

— Я догадываюсь, что свободного времени у вас ничтожно мало, но все же...

— Когда оно есть, стараюсь ходить в театры, хотя — вот ужас-то! — драматический спектакль не могу досмотреть до конца. Держусь минут сорок, а потом начинаю «елозить» и почти всегда выхожу до антракта. А если спектакль идет без антракта — это для меня

просто катастрофа. Зато очень люблю оперу, особенно Марию Каллас. Ее все любят — тут я не исключение. У меня очень большая коллекция компакт-дисков, но в основном все-таки старой балетной музыки, причем не известной в России.

— Можно сказать, что театр, вот именно этот театр, — ваш дом?

— Как-то в училище у нас был опрос: «Чем для вас является театр — домом, местом работы, местом времяпрепровождения или храмом?» Я подчеркнул слово «храм». Сейчас для меня — это место работы, к сожалению. Само помещение в таком состоянии, что совсем не напоминает театр. И это очень обидно... Я довольно часто хожу в Большой театр, вот там — совсем другое дело. Там сам запах кулис бодрит. И, помимо всего прочего, Большой был первым театром, в котором я выступал.

— Каким вы видите свое будущее?

— Я хочу быть педагогом и работать с балеринами — именно с балеринами. К сожалению, мы стали забывать традиции. Нужно вернуть академизм. Сейчас не практикуется, чтобы у дам был педагогом мужчина, но я не вижу в этом ничего сверхъестественного.

— Вы хотели бы преподавать в училище?

— Работать с детьми? Никогда! Только в театре. Я сейчас почти не хожу в школу, но когда заглядываю, все кажется таким мелким после театра.

— У вас есть идеал танцовщика?

— Идеал, как я понимаю, — это то, на что, то есть на кого, стремишься быть похожим. Я ни на кого похожим быть не хочу. У меня свой стиль, собственный!

...За семь лет работы в театре Геннадий Янин исполнил солильные партии в таких не похожих друг на друга спектаклях, как «Лебединое озеро», «Эсмеральда», «Сильфида», «Корсар», «Золушка», «Ромео и Джульетта», «Браво, Фигаро!», «Конек-Горбунок». Неужели остался только Пан? Тогда — пропал. Не может, не должно такого быть!

Беседу вела

Анна ГАЛАЙДА.

● Г. Янин — Нарцисс.

1334